

Старая няня Цзан была в уезде Фусянь личностью легендарной. Стоило расспросить любого встречного, как тот выкладывал всю её подноготную: от былых заслуг до нынешнего житья-бытья. Прохожие без труда могли указать дорогу к её поместью. Это была самая просторная усадьба во всём уезде — традиционный дом с тремя внутренними дворами, который, впрочем, умудрялся выглядеть на удивление скромно, если не сказать бедновато.

У ворот покачивались красные фонари с выведенным чёрной тушью иероглифом «Ван».

Богатый купец, за которого пошла старая няня Цзан, носил фамилию Ван. Поговаривали, поднялся он на торговле зерном и маслом — выбился в люди из самой грязи, явив уезду пример завидного упорства.

Только вот самым прибыльным делом семьи Ван нынче было вовсе не масло и не зерно. Каждый здешний житель знал: Ван промышляли «поставками во дворец». «Добродетельная и милосердная» няня Цзан, в прошлом сама дворцовая служанка, некогда ходила за знатными наложницами. Связи и хватка позволяли ей пристраивать чужих сыновей и дочерей в императорские покои, суля избавление от вечной нищеты. Даже те, у кого клеймо на роду висело и кому путь во дворец был заказан законом, проскальзывали туда без труда: стоило лишь сменить имя, переписать бумаги — и перед вчерашним преступником открывалась завидная доля.

Расспрашивая прохожих, Чи Нин подметил любопытную вещь: в уезде Фусянь евнухов ничуть не боялись. Этим уезд разительно напоминал Чжэньнань. Но когда случайный собеседник буднично, точно о погоде, заговорил о подобных делах, Чи Нин нахмурился. Лица сопровождавших его слуг из Восточного притвора исказились той же мрачной гримасой.

Уж слишком знакомой показалась им эта история.

— В нашей деревне тоже такой дельчина заправлял, — хрипло обронил один из евнухов, обнажая сочащуюся кровью правду. — Не будь его, родители ни за что бы меня туда не отдали.

Для одних служба во дворце виделась спасительным богатством, для других же само это спасение превратилось в доходный промысел.

Сюда входило всё: от оскотления и выхаживания раненых до обучения придворному уставу. Весь путь под ключ — надёжно, честно, без обмана.

Чжэньнань и уезд Фусянь, по сути, ничем не отличались. Разве что один увяз в глубокой бедности, а второй — в беспросветной нищете.

«Тебе помочь? — участливо отозвался Господин Юань в его мыслях. — Я чертовски хорош в

убийствах».

Древний бог понятия не имел, как утешать смертных. Человеческие чувства зародились в его груди совсем недавно, и опыта в таких делах у него не было. Единственное, что пришло ему на ум — избавить Чи Нина от тех, кто когда-то лишил его мужского естества и сослал во дворец.

«Зачем же убивать моих благодетелей? — искренне удивился в ответ Чи Нин. — Я ведь пошёл на это по доброй воле».

Чи Нин приходился дальним родственником деревенскому старейшине — их родство едва ли можно было отследить. Когда мальчик остался круглым сиротой, старейшина честно предложил ему выбор: либо остаться в деревне и до конца дней пасти барский скот, либо решиться на удар ножом и вырвать у судьбы право на иную долю во дворце.

Тогда ему едва исполнилось несколько лет, но он уже твёрдо знал одно: он хочет жить достойно.

Дело было не в том, что он боялся крестьянского труда. Просто пастух не имел будущего. Останься он тогда — и сейчас прозябал бы неграмотным бедняком, которому и жениться-то не на что. Ум здесь не играл роли: рождённому на дне общества глупо надеяться на один лишь рассудок, когда дорогу преграждают нерушимые сословные стены.

Те, кто вырос в сытости и тепле, вряд ли поймут эту пропасть. Счастливые обыватели свято верят, будто упорство пробивает любые преграды, а нищие остаются нищими лишь из-за лени и глупости.

Но жизнь устроена иначе.

Чи Нин лишился этой наивности ещё до того, как ему исполнилось пять лет.

Разве мог безродный сирота, лишённый книг и учителей, познать законы мира и найти лазейку, чтобы переписать предназначённое?

«И уж точно я бы никогда не встретил вас».

Чи Нин подобрал Господина Юаня по дороге в столицу. И только благодаря решению стать евнухом он получил рекомендательное письмо от старейшины, которое помогло ему сразу по прибытии завоевать покровительство самого влиятельного человека в Чжэньнани — евнуха Чжан Цзинчжуна.

Ныне Чи Нину не исполнилось и двадцати, а он уже был Директором Восточного притвора.

Разве мог сопливый мальчишка из глухих гор помыслить о такой судьбе? Тогда он даже слов таких не знал — «Восточный притвор» или «директор».

Каждая капля и каждая крошка в судьбе человека предначертаны небом.

«Я ведь человек приземлённый и жадный до мирских благ, — мысленно признался Чи Нин Юаню, ничуть не кривя душой. — Люблю вкусную еду, тонкие шелка и роскошь».

На фоне такой жизни потеря мужского естества казалась сущим пустяком.

И старейшина, благословивший его на этот шаг, и сам Чи Нин просто сделали единственный верный выбор из всех возможных. Немногие евнухи, выбившиеся в люди, питали злобу к тем, кто лишил их плоти; напротив, большинство испытывало к ним глубокую благодарность.

Логика уродливая, извращённая, но такова была реальность. Никто не виноват, виновато само время.

Чи Нин был бессилен что-то исправить. Оставалось лишь плыть по течению.

«Тогда почему ты хмуришься?» — озадаченно спросил Господин Юань.

Юань ненадолго умолк.

«Разве эта старая няня Цзан не кажется вам опасной? — ответил Чи Нин. — Мало того, что она уцелела, примкнув к проигравшим, так ещё и процветает».

И более того — развернула под самым носом у властей столь сомнительный промысел, пользуясь связями из прошлой жизни.

«Сперва я думал, будто она служит вдовствующей императрице Юцин. Будто её внедрили к благородной супруге Вэй в качестве соглядатая».

Но теперь Чи Нин сомневался. Няня Цзан вела себя слишком вызывающе, её дела были у всех на виду. Если бы грозная вдовствующая императрица действительно использовала её в тайных кознях, то при её хладнокровии и безжалостности...

«Она бы не оставила эту старуху в живых», — закончил за него Господин Юань.

«Вот именно», — согласился Чи Нин.

Эта простая мысль рушила все его первоначальные догадки. В голове Чи Нина воцарилась неразбериха. Если няня Цзан преданно служила покойной благородной супруге Вэй, то ради чего вдовствующая императрица хранила ей жизнь?

Именно это не давало ему покою. Неспособность разгадать чужой замысел уязвляла гордость.

Невероятно!

Неужели в дворцовых интригах нашлось нечто, недоступное его уму?

Чи Нин не считал себя всеведущим гением, но... Пусть сейчас они с вдовствующей императрицей и выступали единым фронтом, вскоре, когда общий враг в лице нового императора падёт, между ними неизбежно разразится схватка не на жизнь, а на смерть. Так уже бывало: союз Евнуха Чжана и вдовствующей императрицы Юцинъ распался в первый же год правления Тяньхэ.

То же самое ждало Чи Нина и её величество.

Что может быть мучительнее, чем признать: твой будущий соперник ведёт игру, правил которой ты не понимаешь, и в этой партии ты вполне можешь проиграть?

«Ты победишь», — мысленно произнёс Господин Юань.

В этих словах не было слепой веры или желания утешить — лишь холодная уверенность в непреложном факте.

«Ты не можешь разгадать это сейчас лишь потому, что вдовствующая императрица знает больше тебя. Я...»

Юань, прежде терпеливо ждавший, когда юноша сам обратится к нему за помощью, теперь был готов открыть правду по собственной воле.

Но он опоздал на мгновение.

Из невысоких ворот усадьбы Ван неспешно вышел Юй Синчуй и столкнулся с Чи Нином лицом к лицу. Увидев младшего соученика, он ничуть не удивился и лишь лениво протянул:

— О.

— Старший брат, — губы Чи Нина тут же растянулись в приветливой улыбке. — Сколько лет, сколько зим.

— И тебе не хворать.

Под ярким дневным солнцем Юй Синчуй казался сошедшим с небес небожителем — порывы ветра ласкали его одежды, а сам он сиял неопишуемым великолепием.

Поманив Чи Нина пальцем, старший соученик повёл его в лучшее заведение уезда — ту самую таверну, где временно остановился со своей свитой.

Ничем не примечательный двухэтажный трактир, простая стряпня без изысков и двое на удивление красивых мужчин, притягивавших к себе любопытные взоры посетителей.

Устроившись за угловым столиком на втором этаже, откуда открывался вид на оживлённую улицу, братья вели неспешную, ничего не значащую беседу.

За три года разлуки Юй Синчуй ни капли не изменился, чего нельзя было сказать о Чи Нине. Прежний ребёнок вытянулся и превратился в статного юношу. Юй Синчуй долго и пристально разглядывал тонкие черты его лица, пока с глухим раздражением не признал очевидное: повзрослевший младший соученик превзошёл его собственной красотой. А ведь в мире Юй Синчуя никто не смел быть краше его самого!

«Твой названный брат чертовски самовлюблён», — сухо заметил Господин Юань.

«И не говори», — со вздохом отозвался Чи Нин.

Вспомнился Лань Цзетин — такое же капризное, изнеженное дитя богатства и неги.

Отчего-то при виде этого вздорного соученика Господин Юань окончательно успокоился.

Учитель Чи Нина выбирал учеников по весьма странному признаку: они должны были быть либо писаными красавцами, либо редкостными чудаками. Глуповатый старший соученик, помешанный на чистоте самовлюблённый второй...

«Скажи на милость, на их фоне я выгляжу образцом благоразумия?»

Неудивительно, что во фракции Чжэньнань именно в младшем Чи Нине видели надежду и опору всего течения. Не потому, что он был безупречен, а просто благодаря колоритному соседству.

Юй Синчуй, не заботясь о приличиях, высказал свои мысли вслух. Его язык славился ядовитостью, а речь изобиловала певучими сычуаньскими словечками:

— Матушки мои! — всплеснул он руками. — Правду ведь говорят: в детстве пригож, да вырос негож. Ты ж малым был писаным красавцем, думал я, взросление тебя подпортит, ан нет! Чего ж ты краше прежнего-то стал, а?

— Вы в его годы тоже дурнушкой не были, — парировал Чи Нин.

— Ну ты и глупыш! — Юй Синчуй горделиво вскинул подбородок. — Твой старший брат хорош собою в любом возрасте. Я ведь не абы кто!

Он ведь земной небожитель, извольте помнить.

С Юй Синчуем всегда так: в разлуке безумно скучаешь, но стоит встретиться — и сразу задаёшься вопросом: «И зачем я тосковал по этому недоразумению?»

— Чего тебя в уезд Фусянь принесло-то? — спросил Юй Синчуй, отпивая из собственной чаши целебный настой, который всегда носил с собой.

Напиток сладко благоухал травами. Будь его воля, он бы и мебель из столицы с собой таскал.

— Так приехал встретить вас и проводить в столицу, — улыбнулся Чи Нин.

В людном месте Чи Нин не собирался раскрывать свои истинные намерения. Они заняли столик у окна как раз для того, чтобы их разговор слышали посторонние уши. Чи Нин лишь тонко намекнул:

— От старшего брата Цзяна узнал, что вы держите путь в столицу. Сердце истомилось от нетерпения, вот и поспешил навстречу.

Юй Синчуй понимающе кивнул, уловив скрытый посыл.

— А сам-то как здесь оказался? — поинтересовался Чи Нин.

— Навестить старую зазнобу, — без запинки вызвался Юй Синчуй.

Ложь лилась легко и гладко — братья виртуозно разыгрывали спектакль для случайных свидетелей.

Чи Нин на секунду задумался, припоминая, что семья того самого студента Государственной академии, к которому Юй Синчуй когда-то питал нежные чувства, действительно происходила из этих мест.

Судьба того бедолаги мало кого волновала. Видимо, в столице дела у него не заладились, раз пришлось вернуться к родне, либо судьба случайно занесла его в уезд Фусянь, обеспечив Юй Синчуя безупречной отговоркой.

Поистине, даже от старых чувств может быть практическая польза.

«Твой соученик надеется разжечь былой огонь?» — спросил Господин Юань.

«Надеюсь, ему не придётся снова страдать», — мысленно вздохнул Чи Нин.

Любовь — штука слепая и нелогичная. Предательство редко учит осторожности.

— Глянь-ка, признаёшь? — Юй Синчуй изящным жестом указал на окно.

На улице внизу торопливо шагал бледный мужчина в поношенном халате. Время стёрло былую утончённость, оставив лишь печать утомления и нищеты. Не укажи на него Юй Синчуй, Чи Нин ни за что бы не узнал прежнего столичного франта.

Теперь Чи Нин был спокоен: его изнеженный брат никогда не разделит ложе с подобным блёклым призраком прошлого.

— Года — они как мясницкий тесак, — лениво затянул Юй Синчуй, подперев щеку ладонью. — В юности он был чудо как хорош, а нынче — сушая серость.

Слышать площадной сычуаньский говор из уст этого утончённого юноши было забавно. Юй Синчуй безжалостно рушил собственный образ безупречного небожителя.

— И как тебя в усадьбу Ван занесло? — сменил тему Юй Синчуй.

— Искал вас, конечно же, — Чи Нин беззастенчиво переложил всю вину на соученика.

Юй Синчуй запнулся, мысленно проклиная ленивого прохвоста, но вслух покладисто произнёс:

— Ну да. Покойный учитель когда-то знался со старой няней Цзан. Вот я и заглянул навестить его давнюю приятельницу.

— Надо же, а я и не знал о такой дружбе, — картинно удивился Чи Нин.

Покончив с обедом, они поднялись в уединённые покои Юй Синчуя. Старший соученик устал притворяться перед толпой, а Чи Нину не терпелось сопоставить разрозненные крупы сведений, чтобы разгадать связь между няней Цзан и вдовствующей императрицей.

Настало время для честного разговора без недомолвок.

Присутствие Господина Юаня надёжно защищало комнату от чужих ушей.

Впрочем, оба они страшились излишней откровенности. Привыкшие к маскам, братья ухватились за повседневные мелочи, чтобы скрыть волнение.

Чи Нин сел за круглый стол и принялся методично чистить арахис. Белые, круглые орехи ровной горкой ложились на столешницу.

Юй Синчуй принялся копаться в дорожном узле, доставая гостинцы из далёких земель Шу — незатейливые безделушки, которых в столице было не сыскать. Вещицы дешёвые, но согреты искренней заботой.

Так, один сидя, другой на ногах, они заговорили о важном.

Юй Синчуй незаметно оставил сычуаньский диалект, перейдя на строгий столичный выговор — язык, на котором говорил большую часть жизни.

— Здесь точно безопасно? — спросил он, покосившись на дверь.

— Можешь говорить без опаски, — отмахнулся Чи Нин.

Юй Синчуй понимающе примолк. Он не стал выпытывать чужие секреты, лишь тихо спросил:

— Три года разлуки... Как ты поживал всё это время?

— Лучше некуда, — ответил Чи Нин.

— А учитель...

Имя Чжан Цзинчжуна отозвалось в груди Чи Нина тупой болью. Говорить о наставнике было выше его сил, но молчать дольше нельзя. В день, когда Юань вернулся к нему, Чи Нин первым же делом спросил его об учителе. Он готов был заплатить любую цену за его спасение.

«Чжан Цзинчжун мёртв, — беспристрастно ответил тогда древний бог. — Его искры более нет в этом мире».

Чи Нин должен был сразу раскрыть правду старшему брату Цзяну. Но при виде его безмятежной веры в скорое возвращение учителя у него не поднялась рука. Он не хотел лишать Цзян Чжиуэя последней надежды.

Среди них троих Цзян-Цзян оставался неисправимым мечтателем. Чи Нин не понимал его наивности, но уважал её. И теперь он колебался: милосердно ли скрывать истину от Цзяна?

Ему нужно было решение Юй Синчуй.

— Наш учитель мёртв, — глухо произнёс он.

Всё было кончено. Юань поведал, что старый евнух Чжан погиб геройской смертью, заслонив собой императора Тяньхэ. Он остался верен своему долгу до последнего вздоха. Его жизнь была чиста, хоть он и умер, так и не обняв на прощание своих воспитанников.

Великий человек, чью память ныне топтали в грязи те, кого он защищал.

Чи Нин поклялся очистить имя учителя от клеветы. Но его нынешней власти для этого не хватало. Именно поэтому он так неистово рвался к вершине, презирая собственную слабость.

Возвращение в столицу стало для него безмолвными, тайными поминками.

— Вот как... Значит, это правда, — прошептал Юй Синчуй.

Он давно подозревал худшее, но услышать приговор воочию оказалось невыносимо. Мысли путались, слова застревали в горле.

Овладев собой, Юй Синчуй хрипло проговорил:

— Мы вернём прах учителя домой. Обязательно вернём. Обещаю тебе.

— Мы? — Чи Нин поднял на него глаза.

— Мы, — подтвердил Юй Синчуй с грустной, но удивительно нежной улыбкой. Раз уж старший брат глуп, второму надлежало быть сильным за всех. — Нелегко тебе пришлось нести это бремя в одиночку.

— Терпимо, — буркнул Чи Нин.

На столе выросла гора из скорлупы и очищенных ядер арахиса, но Чи Нин так и не съел ни единого орешка. Избегая взгляда соученика, он сухо добавил:

— Я давно вырос. Взрослая жизнь не бывает лёгкой.

— И то верно, — вымученно улыбнулся Юй Синчуй.

— А старший брат Цзян...

— Скрывай от него до последнего, — поспешно перебил Юй Синчуй. — Цзян слишком вспыльчив и прямолинеен. Сейчас эта правда лишь погубит его. Нужно подождать, пока... пока...

Голос его затих. В глубине души Юй Синчуй понимал: «подходящего» момента не наступит никогда. Но рубить плеча, как Чи Нин, пожалуй, было честнее всего.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Братья исчерпали слова.

«Сейчас вам нужно думать о старой няне Цзан, — сурово вмешался Господин Юань, нарушая гнетущую тишину. — А твоего учителя я помогу вернуть. Моё слово нерушимо».

Ни Чи Нин, ни Юй Синчуй не привыкли тонуть в чувствах.

Юй Синчуй мгновенно взял себя в руки, продемонстрировав завидную стойкость ума. Спустя мгновение его лицо разгладилось, вернув прежнее безмятежное выражение, словно минутного уныния никогда и не было.

Много лет назад Чи Нин уже видел его таким. В день, когда Юй Синчуй лишился последнего близкого человека за стенами дворца, он рыдал навзрыд, но уже через час с сияющей улыбкой поздравлял наложниц с Новым годом, выпрашивая золотые монеты. Юй Синчуй умел выживать. Потому что знал: жалость не накормит, а жизнь не станет ждать.

— Одно из тайных поручений наставника при жизни состояло в том, чтобы присматривать за няней Цзан, — заговорил Юй Синчуй.

Рука Чи Нина на мгновение замерла над орехом, но тут же продолжила чистить скорлупу. Подражая брату, он прогнал прочь удушающую тоску:

— Почему я ничего об этом не слышал? И знал ли старший брат?

— Цзян в неведении, — покачал головой Юй Синчуй. — Я и сам наткнулся на это случайно. Учитель тщательно скрывал эту тайну.

Чи Нин наконец отправил горсть очищенных зёрен в рот, с хрустом разжёвывая арахис.

— Наш покойный учитель давно разорвал все связи с вдовствующей императрицей. Зачем же ему понадобилось следить за няней Цзан? — задумчиво спросил Юй Синчуй.

— Не знаю, — Чи Нин сделал глоток ароматного чая из чаши брата. — Одно я могу сказать наверняка: няня Цзан не служит её величеству.

Иначе следить за ней не имело бы смысла.

— Более того, вдовствующая императрица Юцинь до смерти боится её, но по какой-то причине не смеет прикончить, — заключил Чи Нин.

Судя по крутому нраву государыни Юцинь, препятствием могла служить либо мистическая сила старухи, либо некий смертоносный секрет в её руках. Если так, подозрения Юй Синчуя касательно зловещего тумана в столице обретали почву.

И всё же...

— С чего ты взял, что багровая мгла — дело рук вдовствующей императрицы? — прищурился Чи Нин.

— Я не уверен насчёт её величества, но точно знаю: мгла тянется к няне Цзан, — твёрдо ответил Юй Синчуй.

Братья шли к разгадке разными путями, но пришли к общему выводу.

— По пути в столицу я взял на себя дело учителя и следил за этой ведьмой, — добавил Юй Синчуй.

Смерть Чжан Цзинчжуна оборвала многие его тайные замыслы, и второму ученику пришлось завершать начатое. Няня Цзан была лишь вершиной айсберга.

Во время слежки Юй Синчуй обнаружил, что кто-то другой уже перехватил контроль над старухой. Новый тюремщик действовал топорно и неосторожно. Синчуй легко выследил его и наткнулся на след удушливого, пропитанного мертвечиной тумана.

— Хочешь сказать, она выращивает это чудовище для вдовствующей императрицы?

— Нет, — Юй Синчуй покачал головой. — Думаю, её величество растит этого зверя сама, а няню Цзан держит лишь для того, чтобы в нужный момент сделать козлом отпущения.

Чи Нин согласился: использовать пешку ради сокрытия собственных грехов — излюбленный приём при дворе.

Но это не объясняло, почему няня Цзан до сих пор дышит. За её выживанием крылась иная, куда более глубокая тайна.

— И что же это? — Чи Нин выжидательно уставился на соученика.

Юй Синчуй ответил ему столь же недоумённым взглядом.

Оба замолчали, и в глазах каждого читался один и тот же немой упрёк: «Ну и бестолочь же ты».